

М. В. МИЛОВАНОВА

Волгоградский государственный университет

Проспект Университетский 100,

400062 Волгоград, Россия

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ПОСЕССИВНОСТИ В СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ: ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛОМ *ИМЕТЬ**

В статье дается общая характеристика универсальной понятийной категории посессивности. На примере глагола *иметь* рассматриваются прототипические случаи выражения посессивных отношений в русском, немецком и чешском языках. С позиций синхронно-диахронного подхода прослеживаются особенности репрезентации ситуации обладания в близкородственных и неблизкородственных языках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *категория посессивности, посессивные отношения, предикативная и атрибутивная посессивность, ситуация обладания.*

Универсальная понятийная категория посессивности входит наряду с другими категориями в качестве базовой составляющей в языковую картину мира. Различные виды посессивных отношений занимают большое место в концептосфере одушевленного субъекта, естественным желанием которого является включение в сферу личного пространства разнообразных объектов.

Категория посессивности достаточно широко исследована в научной литературе прежде всего с точки зрения ее связи с другими категориями – локативности и экзистенциальности, а также в аспекте структуры, средств выражения. Мы исходим из тесной связи посессивности и локативности, однако считаем посессивность самостоятельной бинарной категорией, сущность которой составляют собственно посессивные отношения между субъектом-посессором и объектом. Прототипические случаи представленности посессивности в языке включают в себя следующие составляющие: 1) посессор (одушевленный субъект); 2) объект (потенциальное или реальное обладаемое); 3) отношения между ними, которые могут быть представлены в развитии. Исходя из характера объекта, данный объект может являться собственностью, либо составной частью, либо признаком, свойством субъекта, или включаться в сферу субъекта в определенном качестве.

* Статья написана при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009 – 2013» (Госконтракт № 02.740.11.0367)

Несмотря на всеобщность категории посессивности, не существует универсальных способов выражения посессивных отношений в различных языках. Понятие «посессивность» соотносится с различными структурами и смыслами. Традиционно выделяют атрибутивную и предикативную посессивность, между которыми существуют определенные различия: *У меня есть собака* и *Моя собака*. Основное их различие состоит в том, что в предикативной конструкции посессивная информация обычно заложена изначально, а не утверждается, в отличие от атрибутивной конструкции.

В рамках атрибутивной посессивности исследователи говорят также о внешней и внутренней посессивности. Конструкции с внешним и внутренним посессором подробно описаны А. Е. Кибриком, которые автор характеризует как денотативно синонимичные. Конструкции с внутренним посессором реализуются в форме атрибутивной синтагмы. Атрибутивная синтагма состоит из пары именных групп, связанных подчинительным отношением – родительный падеж в зависимом имени (русский язык): *дом отца*, притяжательная форма зависимого местоимения: *мой дом* (в английском языке – *of*) (Кибрик и др. 2006: 16).

В так называемых Навео-языках прототипические случаи выражения атрибутивной и предикативной посессивности – это прежде всего генитив, притяжательные местоимения и конструкции с глаголом *иметь*. В Esse-языках наблюдается аналогичная выраженность атрибутивной посессивности, конструкции же с глаголом *иметь* относятся к периферии средств выражения посессивных отношений, центральное место занимают конструкции с глаголом *быть*. Рассмотрим более подробно прототипические случаи выражения посессивности.

В качестве субъекта-посессора выступает одушевленное лицо, объект (в зависимости от типов отношений) может быть как неодушевленным, так и одушевленным. Приведем примеры из неблизкородственных и близкородственных языков – немецкого, английского, чешского (Навео-языки) и русского (Esse-язык) соответственно: (1) *Peters Sohn, Peter's son, Petrův syn, сын Петра; Peter hat einen Sohn, Peter has a son, Petr má syna, У Петра есть сын*; (2) *Peters Haus, Peter's house, Petrův dům, дом Петра; Peter hat ein Haus, Peter has a house, Petr má dům, У Петра есть дом*.

В приведенных примерах в атрибутивных посессивных конструкциях в немецком и английском языках представлен родительный падеж. В немецком языке возможен также дательный падеж (если объект является одушевленным): *dem Peter sein Sohn* (букв.: *Петру его сын*), однако такие конструкции ограничены и характерны, в основном, для сельских районов Германии. Помимо этого в немецком языке может быть употреблена стилистически маркированная конструкция (книжный высокий стиль) *der Sohn von Peter* (ср. в английском: *the son of Peter*). Однако что касается двух видов генитива в английском языке, то обычно генитив типа *Peter's son* (инфлексивный генитив) используется в основном с одушевленным посессором, который уже известен, а объект посессивности вводится как новая информация; конструкции же с *of* (предложный генитив) используются, если объект посессивности известен, а посессор является новой информацией. В чешском языке для выражения атрибутивной посессивности большее распространение получили конструкции с притяжательными прилагательными. Как известно,

притяжательные прилагательные с суффиксом *-iv*, *-in* в чешском языке выражают прямую принадлежность единичному конкретному владельцу (*otcův klobouk* – шляпа отца, *sestřina kniha* – книга сестры). В русском языке, в отличие от чешского, притяжательные прилагательные не получили такого широкого распространения. Хотя в старославянском языке притяжательные прилагательные могли образовываться от каждого существительного, обозначающего одушевленное существо. Аналогичная картина наблюдается и в древнерусском языке (Маројевич 1985), где в качестве производных были отмечены суффиксы *-инь-*, *-овь-* (*Ивановъ*, *Ильинъ*). Особая посессивная форма этого типа входила в парадигму имени также в старочешском. Рассмотрим примеры более подробно.

В примере (1) значение существительного *сын* определяет родственные отношения, очевидные как в предикативной, так и в атрибутивной конструкции. В примере (2) существительное *дом* определяет отношение собственно владения в предикативной конструкции, но атрибутивная конструкция требует уточнения, поскольку *дом Петра* (во всех приведенных языках) может означать «дом, в котором он живет в данный момент, не обязательно его собственность». Однако посессивность не ограничивается только этими случаями, поскольку субъектно-объектные отношения посессии весьма разнообразны. Более сложные случаи передачи в языке идеи посессивности обусловлены прежде всего изначально полисемантической природой глаголов, употребляемых в предикативных посессивных конструкциях, таких, как немецкий глагол *haben*, английский *have*, чешский *mít*, русские *иметь*, *быть*.

Предикативные конструкции с глаголами *иметь* и *быть* относят к универсальным способам выражения посессивности (Benveniste 1966; Hagege 1982 и др.). Русский глагол *быть* и бытийный тип предложений, включающий посессивную модель, достаточно полно описан в лингвистической литературе – структура, семантика этих предложений, прагматика, коммуникативные признаки и т. д. (Арутюнова 1976; Селиверстова 2004; Янко 2000; Babby 1980; Paillard 1984 и др.). Однако глаголу *иметь* в русском языке, мы считаем, в исследованиях не уделяется должного внимания.

Во многих языках глагол *иметь* обладает, по крайней мере, тремя различными значениями, из которых два не явно выражают посессивность. Первое употребление представлено в примере (2) и выражает статическое отношение между двумя различными сущностями – субъектом (Петр) и объектом (дом). Сюда можно включить случаи, представленные примером (1), когда в роли объекта выступает одушевленное имя существительное и отношения строятся по принципу «часть-целое» (*сын* – это «часть» родственных отношений). Это так называемая «перманентная» посессивность.

Второе употребление глагола *иметь* представляет собой ситуацию, когда субъект находится в определенном состоянии: *Er hat Schmerzen* (*У него боли*); *He has a cold* (*Он простужен*); *Má boleš* (*У него боль*), в русском языке в такого рода конструкциях представлена, как правило, нулевая связка: *У него жар, боли; он простужен* и т. п. Причем в немецком языке не всегда приведенная ситуация передается глаголом *иметь* (*haben*), это может быть и глагол *sein*, ср.: *Она простужена* – *Sie ist erkältet*.

И, наконец, в третьем случае глагол *иметь* может употребляться (в Навео-языках) в качестве вспомогательного глагола: в немецком и английском языках для образования перфекта – *Peter hat ein Auto gekauft; Peter has bought a car* (*Петр купил машину*); в чешском языке для передачи модальных значений долженствования, а также возможности действия – *Mám tam jít? (Я должен туда идти?), Mám už začít? (Я могу начать?)*. Как известно, вспомогательную функцию глагол *иметь* мог выполнять в древнерусском языке: *имети имаши съкровище на н(е)б(е)се* (примеры из древнерусского языка приводятся нами в упрощенной графике) (СС 2: 1096) – в данном случае он служит для передачи значения будущего времени. В современном русском языке эта функция у глагола *иметь* не представлена.

Таким образом, посессивность могут выражать в языках как предикативные, так и атрибутивные конструкции, причем, атрибутивные конструкции по своей сути обладают большей полисемией, чем предикативные. Если атрибутивные конструкции выражают посессию, в основе которой лежат собственно какие-либо отношения между двумя одушевленными сущностями, то данные конструкции являются однозначными, типа *Peters Vater; Freund; Peter's father, friend; Petrův otec, přítel; отец, друг Петра*. В таких случаях посессивные отношения уже содержатся в самом объекте – если это *отец, друг*, то он всегда *чей-то*. Предикативные конструкции, обеспечивая посессивную связь между двумя сущностями, как правило, определяют ее характер, используя глаголы *иметь, владеть, обладать* и др., тогда как в атрибутивных конструкциях эта связь просто предполагается. В связи с этим предикативные конструкции в основном передают ситуации так называемого установленного владения, поскольку сам глагол устанавливает и обеспечивает посессивную связь.

Следует заметить, что глагол *иметь* в Esse-языках также может быть употреблен в посессивной конструкции, ср.: *У меня есть машина – Я имею машину*, однако такие предложения обычно характеризуют как стилистически маркированные, поэтому подробному рассмотрению глагол *иметь* как средство выражения посессивных отношений в русском языке обычно не подвергается. Глагол *быть*, являющийся основной посессивной конструкцией в русском языке, входит в число многозначных глаголов, он может выражать значения от собственно лексических до грамматических. Если обратиться к материалам толковых словарей, то в семантике глагола *быть* можно выделить в качестве основных (но далеко не всех) следующие виды значений: локативные, экзистенциальные, посессивные и связочные. Однако следует учитывать тот факт, что собственно посессивное значение глагол *быть* приобретает только в сочетании с «у + генитив».

Существуют различные точки зрения на возникновение глагола *иметь* в русском языке. Так, например, А. В. Исаченко считает, что в общеславянском не было глагола *иметь*, он появился лишь в старославянском при переводе с греческого в составе калек (Isačenko 1974). Д. Дингли доказывает, что глагол *иметь* унаследован восточнославянским языком из позднего общеславянского (Dingley 1995). Несмотря на различные точки зрения, глагол *иметь* был широко распространен в истории русского языка и входил в один ряд с родственными глаголами, обозначающими вступление в посессию и входящими в лексико-семантическую группу глаголов приобщения объекта, – *яти, имати*.

Бесприставочные древнерусские глаголы *яти*, *имати*, *имети*, а также производные приставочные образования прошли длительный путь структурно-семантической эволюции, которая обусловлена целым рядом сложных исторических процессов. Это зафиксировано в справочной литературе, в частности, в *Материалах для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам* И. И. Срезневского, в *Словаре русского языка XI–XVII вв.* и др. Так, по материалам, засвидетельствованным у И. И. Срезневского, можно выявить следующие важные особенности: наличие двух парадигм у бесприставочных глаголов *имати* и *имети* (в качестве представителей парадигм мы указываем формы 1 л. и 3 л. ед. [мн.] числа).

У глагола *имети* в презенсе отмечена одна парадигма нетематического спряжения: 1 л. ед. ч. *имамь*, 3 л. ед. ч. *имать*; другая – тематического: 1 л. ед. ч. *имею*, 3 л. ед. ч. *имееть*.

У глагола *имати* также наблюдаются варианты презентной основы и отмечаются две парадигмы в презенсе, обе – тематического спряжения: 1 л. ед. ч. *имаю* и *емлю*, 3 л. ед. ч. *имаеть* и *емлеть*. Формы с генетическом суффиксом *-j-* (*емлю*, *емлеть*) И. И. Срезневский соотносит с инфинитивом *имати*. Аналогичная картина представлена в материалах *Словаря русского языка XI–XVII вв.*

Глаголы *яти*, *имати*, *имети* восходят к общему корню, в качестве которого исследователи приводят различные варианты: А. Мейе – индоевропейский **em*, С. Б. Бернштейн – праславянский **ьт*, М. Фасмер, В. Кипарский – **jьт* (Мейе 1951: 162; Бернштейн 1961: 186; Фасмер 2: 19; Kiparsky 1962: 283). Это различие связано с рядом фонетических процессов, происходивших в корневой морфеме. Для того, чтобы объяснить эти процессы, необходимо рассмотреть генезис этой корневой морфемы, начиная с праиндоевропейского.

Можно предположить, что в праиндоевропейском корень глаголов *яти*, *имати*, *имети* состоял из одного согласного – это был краткий дизянный слоговой сонорный **чг-*. Известно, что праславянский язык унаследовал целый ряд количественных и качественных чередований индоевропейской поры, которые были свойственны как гласным звукам, так и дифтонгическим сочетаниям. Праиндоевропейский корень **-чг-* в процессе изменения слоговой структуры утратил слоговость и в раннем праславянском преобразовался в чередующиеся дифтонгические сочетания гласного с носовым согласным **-Ит-* / **-Ст-*, которые, в свою очередь, изменились в **-ет-* / **-ьт-* (*И > е*, *С > в*). Данные дифтонгические сочетания **-ет-* / **-ьт-* приняли участие в формообразовании глаголов *яти*, *имати*, *имети*.

В позднем праславянском перед данными дифтонгическими сочетаниями появляется протетический *-j-*. Сочетания **jet* / **jьт* в результате действия тенденции к построению слога по восходящей звучности в восточнославянский период изменяются в зависимости от позиции и дают следующие чередования в корневых морфемах: *-’а-* / *-емл’-* / *-им-* / *-ьм-*. Перед согласными **jet* / **jьт* изменяются в **jМ:* *я–ти*; перед гласным **jet* / **jьт* сохраняются как *-ьм-* / *-им-* / *-емл’-*. Корень *-емл’-* появляется в презентных образованиях в результате воздействия *-j-*: 1 л. ед. ч. **jet* + *j* – *Û* > *емлю*.

В некоторых славянских языках до сих пор сохранились формы, свидетельствующие о наличии в корне дифтонгического сочетания с носовым

согласным, например, в польском: *wziąć* – *взять*, в словацком: *vziať* (Фасмер 1: 311).

Существуют некоторые особенности в образовании нетематического варианта глагола *имети*. Ряд исследователей соотносит формы *имамь*, *имать* и т. д., а также инфинитив *имети* с формой **jMti*. М. Фасмер считает, что *имамь*, *имать*, *имети* связаны с праславянским **jьтБ:jMti* и отношение *a:e* является древним (Фасмер 2: 128). В. Вс. Иванов также, говоря об отношении *a:e*, указывает, что глагол **jьтать* является «единичным остатком древнего типа основ на *A*, где *A* – суффикс, обозначающий состояние и связанный с *З*» (Иванов 1981: 132). Т. Н. Молошная считает, что **jьтĒti* развилось из **jĕti* – *брать* (Молошная 1989: 164).

А. Преображенский, говоря в целом о глаголе *имети*, связывает его не с *яти*, а с *имати*, однако не со всеми формами глагола *имати*, а только с формами типа *емлю* и считает, что *имети* – это несовершенный вид к многократному *емлю*; значения автор соотносит следующим образом: «что я взял (емлю), то у меня есть (то я имею)» (Преображенский 1910–1914: 270). Говоря непосредственно о формообразовании, А. Преображенский отмечает, что образования основ представляют затруднения (там же).

Относительно глагола *имати* О. Н. Трубачев отмечает, что глагол на *-ati* (**jьmati*) «образован от **jMti*, **jьтБ* на базе презентных форм последнего. Едва ли можно видеть в данной форме что-нибудь другое, кроме обычной для славянского тематизации (*-a-ti*) и имперфективации...» (ЭССЯ 8: 225).

В современном русском языке в результате длительного и сложного процесса исторического развития, изменения, в силу ряда тенденций, структурно-семантических особенностей, лексико-семантическая группа глаголов приобщения объекта выглядит несколько иначе. Вся система древнерусского языка претерпела большие изменения, поэтому утрата одних форм и сохранение других было обусловлено целым комплексом причин.

Так, парадигма глагола *яти* полностью утратилась, от него сохранились лишь префиксальные образования, которые выражают действия совершенного вида: *взять*, *возьму*; *принять*, *приму* и т. д. От глагола *имати* сохранились лишь префиксальные образования несовершенного вида в качестве видовой пары соответствующим образованиям от *яти*: *принимать* – *принять*, *отнимать* – *отнять* и т. д.

Из бесприставочных образований в современном русском языке полностью сохранилась парадигма тематического варианта спряжения глагола *имети*.

Следует отметить, что некоторые формы анализируемых глаголов, утратившиеся в современном русском языке, сохранились в других славянских языках, например: литовский *ĩm̃ti*, *im̃ti* – *брать*; чешский *mit*, *mát* – *иметь*.

Таким образом, бесприставочные глаголы *яти*, *имати*, *имети*, а также производные от них приставочные образования, принадлежащие к ЛСГ приобщения объекта (за исключением глагола *имети*), находятся между собой в многоплановых отношениях с точки зрения парадигматических характеристик как на грамматическом, так и на лексическом уровнях языка. В структурно-грамматическом плане данные глаголы отлича-

ет в древнерусском языке особая сложность, обусловленная целым рядом фонематических процессов, происходивших в их структуре в процессе исторического развития.

Различия в семантическом плане в группе указанных глаголов имеют морфемно выраженный характер. Так, бесприставочные глаголы *яти*, *имати* образуют оппозицию по признаку длительности / недлительности действия. С другой стороны, *имети* противопоставлен глаголам *яти*, *имати*, выражая процесс как состояние, в отличие от последних, представляющих процесс как действие, что также выражено морфемно.

Говоря о собственно специфике выражения посессивных отношений, выражаемых рассмотренными глаголами, следует отметить следующую выявленную нами закономерность: важность для древних русичей развития отношений посессии – приобретаемый объект мог иметь различный характер, однако обязательным условием описываемой ситуации выступало дальнейшее действие с ним, поскольку *взятие* не было конечной целью субъекта, постоянно познающего окружающий его мир. Используя понятия категориальной, интегральной и дифференциальной сем, а также сочетаемостные возможности рассматриваемых глагольных единиц, можно установить особенности семантической структуры древнерусских глаголов *яти*, *имати*. Установленная нами категориальная сема глаголов ЛСГ приобщения объекта “начало имения объекта в сфере субъекта” в древнерусском языке может быть реализована в таких интегральных признаках, как «характер, средства, степень и интенсивность приобщения объекта». Эти семантические признаки, в свою очередь, могут реализоваться в более конкретных дифференциальных семах.

Релевантной интегральной семой для глаголов *яти*, *имати* является сема “взять в руки с целью дальнейших действий”, которая отражает обязательную валентность данных глаголов и включает в себя такие релевантные признаки, как приобщение объекта с помощью рук (средства приобщения), обязательное осуществление дальнейшего действия. Сложная структура интегральной семы у глаголов приобщения объекта реализуется в древнерусском языке в определенной модели: субъект действия – приобретаемый объект – средства приобщения – дальнейшее действие. Эта модель обусловлена особенностями самой ситуации приобщения объекта, ведь объект, как правило, всегда приобщается субъектом для определенной дальнейшей деятельности. При древнерусских глаголах приобщения объекта в качестве распространителя действия может быть использован не только объект, но и последующий глагол, с которым сочетается глагол приобщения объекта: *и имъше же с(вя)тоую д(е)воу... ведоша на оурочьноюу съмърть (Усп. сб. 73а22–23)*; *и пристоупльше незаконьници иудеи яша и... приведоша и предъ Пилата (Усп. сб. 221б15)* (приобщение и совместное движение с объектом); *имъ мя епифанъ за рокоу рече (Усп. сб. 159а28)* (приобщение с целью речевой деятельности); *и имъ и... въдасть м(а)т(е)ри (Усп. сб. 292б27)* (приобщение и передача объекта); *иродъ бо имъ иоана и съвяза и (АМ 41г5)* (приобщение и физическое воздействие на объект) и др.

Данные контексты широко распространены, что свидетельствует о значимости для древнего русича не собственно момента *взятия* объекта, а прежде всего дальнейшего действия с этим объектом, попавшим в личную сферу субъекта.

Таким образом, в истории русского языка четко прослеживается последовательность становления посессивных отношений – сначала *яти* или

имати (многократно) и затем – *имети*. В современном русском языке развитие получили конструкции с глаголом *иметь*, в которых объект является абстрактным, что объясняется прежде всего типом дискурса, в котором такие конструкции употребительны. Это прежде всего язык, ориентированный на книжную, письменную речь.

Ядерный глагол *иметь* является собственно possessивной глагольной лексемой, поскольку в отличие от конструкций с глаголом *быть*, субъект-посессор при данном глаголе является также и грамматическим субъектом и выступает как активное начало в высказывании (ср.: *Я имею машину* и *У меня есть машина*, во втором случае активность субъекта ослаблена).

Глагол *иметь* устанавливает possessивные отношения между двумя сущностями, одна из которых является субъектом-посессором, другая – объектом. Согласно описанию, данному Э. Бенвенистом, глагол *иметь* является перевернутым вариантом глагола *быть* (Benveniste 1966: 199). Различие состоит в том, что в конструкции с глаголом *иметь* посессор является подлежащим, он обозначает сущность, вокруг которой строится все предложение. Многие лингвисты, опираясь на данное высказывание Э. Бенвениста, считают, что понятие possessивности берет свое начало в понятии существования, которое является первичным по отношению к понятию possessивности (Herslund and Varon 2001). В данном случае можно выстроить следующую схему формирования possessивных отношений: 1) существует, имеется нечто (объект), 2) этот объект находится в определенном пространстве (локализация объекта, его месторасположение), 3) этот объект принадлежит определенному субъекту, являющемуся владельцем (посессором).

Специфика, характер отношений, выражаемых глаголом *иметь* (как в *Навео-*, так и в *Esse-языках*), зависит от семантических связей между субъектом и объектом. Эта связь имеет инклюзивный характер: денотация существительного – объекта – включена в денотацию субъекта. Это включение может быть трех типов. Первый тип представлен случаями, когда объект является частью субъекта и отношения строятся как “часть / целое” (например, *крыша – дом*, *рука – человек*). В данную группу входят конструкции, в которых объект, как правило, является реляционным существительным – таким, которому необходим комплементарный термин для правильной идентификации, например: *Das Auto hat einen kleinen Kofferraum – У машины маленький багажник (Машина имеет маленький багажник)*.

Второй тип денотативного включения характеризуется следующим образом: объект является собственностью субъекта (например, *дом – Петр*). В такого рода случаях субъект обычно является одушевленным, а объект неотносительным (нереляционным) существительным, например: *Peter hat ein Auto – У Петра есть машина (Петр имеет машину)*. Третий тип включения в какой-то степени перекликается с первым: объект представляет собой один из семантических признаков субъекта (например: *комнаты – квартира*). В таких случаях перед нами так называемое изотопное включение (см. об этом: Greimas 1966: 69), например: *Peters Zimmer hat drei Betten (В квартире Петра три кровати)*. Следует особо сказать о том, что в русском языке на грамматическом уровне данное изотопное включение не находит выражения, поскольку объект является грамматическим субъектом.

Таким образом, глагол *иметь* не просто располагает объект относительно субъекта, а актуализирует между ними инклюзивные отношения, в результате чего мы можем говорить о посессивности: *маленький багажник* (в приведенном выше примере) расположен относительно *машины* и находится (*с машиной*) в отношениях “часть / целое”.

Помимо ядерного глагола *иметь*, значение собственно посессии в русском языке передают также глаголы *владеть*, *обладать*. В семантической структуре данных глаголов мы выделяем в качестве категориально-лексической семы “имение объекта в сфере субъекта”, которая реализуется в интегральных семантических признаках. Релевантным интегральным семантическим признаком следует считать характер обладания субъекта объектом.

В семантической структуре глагола *иметь* релевантная интегральная сема может быть выражена по-разному, поскольку приведенный глагол представляет посессивные отношения в наиболее общем виде. В случае, если объект имеет неодушевленный конкретный характер, указанная интегральная сема выражена как “принадлежность объекта сфере субъекта”: *Он имеет несколько домов*. Если же объект носит одушевленный конкретный характер, то есть имеется тот, кто обладает и тот, кем обладают, между субъектом и объектом устанавливается определенная связь – реляция. В такой ситуации можно говорить о равнореляционных отношениях между субъектом и объектом и неравнореляционных отношениях. В случае равнореляционных отношений интегральная сема “характер обладания” представлена как “включение объекта в сферу субъекта в определенном качестве”: *Почти все иностранные генералы имели с собою своих жен и детей, по той причине, что в случае разлуки срок свидания неизвестен* (Пушкин). Неравнореляционные отношения обуславливают иной характер обладания – как “подчинение объекта сфере субъекта” (зависимость объекта от субъекта, воздействие субъекта на объект): *Езерский сам же твердо ведал, Что дед его, великий муж, Имел двенадцать тысяч душ* (Пушкин). Следует особо сказать о том, что в древнерусском языке глагол *имети* прежде всего был отмечен в контекстах с неодушевленным абстрактным объектом: *имети честь, обычаи, вероу* и т. д., что в современном русском языке получило дальнейшее развитие. Однако в древнерусском языке зафиксированы также случаи, когда подчеркивалось не просто наличие (существование) объекта в сфере субъекта в определенном качестве, но и принятие, включение объекта в сферу субъекта: *имети яко отца* (СС 2: 1096). В современном русском языке данное значение утратилось.

В истории русского языка, как уже было нами отмечено, глагол *имети* входил в ряд родственных ему глаголов *имати*, *яти*. Нам представляется интересным сопоставить эти данные с близкородственным чешским языком. Как известно, чешский язык является ярким представителем группы Набео-языков, однако, входя в группу славянских языков, обнаруживает с русским языком определенное сходство.

В истории чешского языка анализируемый глагольный ряд был представлен следующими глаголами: *jati, jmouti, jimati, mít (jmieti, mieti)*. Особенностью чешского языка является наличие в данных глагольных формах начального *-j-*. Как приводят в своем словаре Й. Голуб и Ф. Копечны, *-j-* не возникал в старых приставочных

формах типа *vъz-ьтQ* = *vezti* (так как **vъz-jтQ* дало бы *vežti*), **отьтQ* = старочеш. *otmi*, подобные *съп- ьтQ* = старочеш. *seniti* и др. формы: *veniti*, старочеш. *přiti*. В новых образованиях – *sejti*, *odejti*, *přijti* (ES).

Обратимся к характеристике чешских глаголов. Старочешский глагол *jati* обнаруживает сходство с древнерусским глаголом *яти*, поскольку также указывает на интенсивное приобщение субъектом объекта и употребляется в значении «поймать, схватить»: *Dával návěští, aby jej jali* (дал сигнал, чтобы ее схватили); *Uředníci královi mají jej jieti a jej věziti a držeti na královi milost a na panský nález* (слуги короля должны были ее схватить, связать и держать до решения короля) (SSG 1: 648). Объект при глаголе *jati* может иметь и абстрактный характер: *Láska ho jala* (его охватила любовь); *Jímáš pěniem srdce* (охватишь сердце пением) (SSG 1: 648), причем в роли такого объекта выступают существительные, называющие положительные качества, признаки (*Láska, krása, milost*).

В современном чешском языке глагол *jati* не сохранился, старый инфинитив **e- ti* сохранился в *vzítí*, устаревшем *sníti* и некоторых других формах (ES: 156). В качестве глагола, выражающего значение приобщения объекта как конкретное результативное действие (совершенного вида) в современном чешском языке представлен глагол *jmouti* (*jmi* из **e-ti*; ср. древнерус. *ймоуть* от глагола *яти*). Однако следует заметить, что глагол *jmouti* не так широко представлен в чешском языке (по сравнению с синонимичными ему глаголами, например, *chytit, zachvátit, uchvátit* и др.), он, как правило, употребляется в форме прошедшего времени (*jal*), а также страдательного залога (*jat*): *jali ho v okovu* (взяли его в оковы) (SS: 124). В большинстве случаев при данном глаголе отмечен абстрактный объект, в роли которого выступают различные обозначения чувств, в результате ситуацию также можно охарактеризовать как интенсивную: *jal ho hněv* (его охватил гнев); *jata soucitem dojata* (букв.: она была охвачена сочувствием) (SS: 124).

В отличие от русского языка, в чешском языке сохранился глагол *jimati*, однако он имеет свои особенности в употреблении. Так, глагол *jimati* может представлять ситуацию приобщения объекта, указывая на приобщение как определенный процесс (несовершенный вид), при этом действие носит интенсивный характер, то есть глагол *jimati* выступает в данном случае как видовая пара глаголу *jmouti*. Однако такое употребление глагола *jimati* было отмечено в старочешском языке, в современном чешском языке данное значение стилистически маркировано и свойственно книжному высокому поэтическому стилю: *Kovář jímá perlík v obě dlaně* (кузнец берет молот в обе руки) (PS: 156), в данном примере глагол *jimati* подчеркивает, что приобщение объекта требует определенных усилий (об этом говорит и сам характер объекта). В другом примере: *Aby poddaní neutekli, bývali s pomocí vojska v noci jímání a k přijetí katolické víry nuceni* (Чтобы подданные не убежали, их захватывали ночью с помощью войска и принудительно заставляли принимать католическую веру) (PS: 157) – глагол *jimati* выступает в значении «брать в плен, захватывать». В современном чешском языке глагол *jimati* отмечен в контекстах с абстрактным субъектом, в роли которого выступают имена существительные, обозначающие какие-либо ощущения, чувства одушевленного субъекта, которые также можно охарактеризовать как интенсивные: *Zvláštní pocit jímá člověka v tomto koutku mezi Afrikou a Asií* (Особое чувство охватывает человека в этом уголке между Африкой и Азией) (PS: 157); *jímá mě hrůza* (меня охватил ужас) (SS: 124).

Наибольшее распространение в чешском языке получил глагол *mít*. В рамках категории посессивности данный глагол передает ситуацию собственно владения, такое употребление представлено как в старочешском, так и в современном чешском языке. Однако в старочешском языке в большинстве случаев при глаголе *mít* отмечен неодушевленный абстрактный объект (*жалость, надежда, власть, милость, вера, радость, страх* и т.д.): *žalost gmau, nádeju gmaiuce, Marie radost myeffe, V tom ti lidé myechu vieru* (SSG 1: 664). Это может быть также конкретный объект, в роли которого выступают части тела человека, в такого рода контекстах передана так называемая неотторжимая принадлежность: *ustá mazu a nevzmluvie, oči mazu a viděti nebudú* (*имею уста и не говорю, имею глаза и видеть не буду*) (SSG 1: 664). В старочешском языке отмечены также контексты с глаголом *mít*, аналогичные употреблению древнерусского глагола *имети*, когда в качестве объекта выступает одушевленное имя существительное (или местоимение): *jehož za boha miegiefte, již umřieti muši* (*его «имели» в качестве бога [принимали за бога], который должен умереть*) (SSG 1: 664).

В современном чешском языке глагол *mít* широко употребляется для обозначения самых разнообразных ситуаций владения и принадлежности. При этом объект имеет как неодушевленный, так и одушевленный характер: *mit peníze, mnoho knih, byt* (*иметь деньги, много книг, квартиру*) и т.д.; *mají v domě pračku* (*иметь прачку*), *děvčě má ženicha* (*у девушки есть жених*) (SS: 182). Причем в чешском языке, в отличие от русского, сохранилось значение «иметь за кого-то»: *měli ho za blázna* (*его считали блаженным*) (SS: 182). И наконец, глагол *mít* в чешском языке обнаруживает способность к грамматикализации значения и используется в модальном значении настоятельности, неизбежности действия: *Mám tam jít?* (*Я должен туда идти?*) (SS: 182). Таким образом, краткий обзор того, как развивались предикативные посессивные конструкции в чешском языке, позволяет говорить о том, что чешский язык обнаруживает сходство как с русским, так и с немецким языком.

Итак, русский глагол *иметь*, немецкий глагол *haben*, английский *have*, чешский *mít* являются широко употребительными. Как считают некоторые авторы, данные посессивные предикаты в Набео-языках формально близки вербальным предикатам, но по смыслу соответствуют связочному типу с глаголом *sein* (немецкий), *be* (английский), *být* (чешский). Для глагола *иметь*, например, в английском языке, связочная функция отчетливо проявляется в конструкциях типа *to have a smoke* (Duškova 1994), в которых смысловая часть данного глагола значительно ослаблена. В английском языке, кроме того, в отличие от чешского, посессивные предикаты могут быть представлены глаголом *be* (*быть*) в сочетании с притяжательными местоимениями, например: *His was the wisdom of a ripe age*. Такого рода конструкции распространены в литературном стиле. В чешском и русском языках в данном случае отмечен глагол *иметь* – *Он имел мудрость зрелого возраста; Měl moudrost zrelého věku*. Однако в чешском языке мы можем наблюдать также следующую закономерность: в некоторых случаях, когда смысловая часть глагола *mít* ослаблена, он может употребляться параллельно с глаголом *být*: *Dnes je pondělí; Dnes máme pondělí*. Глагол *have* некоторые лингвисты включают в особую группу связочных глаголов с дополнением объектного типа (сюда входят также глаголы *do, make* и др.), они выполняют связочную функцию в тех случаях, когда их лексическое значение значительно ослаблено и они образуют единую семантическую целостность с объектом, доказательством чему является замена вербальных выражений глаголом,

от которого образована именная часть сказуемого, например: *to have a look – to look* (Mathesius 1975).

Таким образом, можно отметить, что во многих языках глагол *иметь* обладает различными значениями, из которых не все явно выражают посессивность. В русском языке ядерной предикативной конструкцией, передающей посессивные отношения между субъектом и объектом, является конструкция с глаголом *быть* (*У меня есть*), однако существует (в ряде случаев стилистически маркированная) конструкция с глаголом *иметь* (*Я имею*). В немецком языке возможна только конструкция с глаголом *haben*. Тем самым в русском языке мы можем говорить о том, что в центре внимания находится объект, его наличие, существование подчеркивается в сфере субъекта. В истории русского языка конструкции с глаголом *иметь* были распространены достаточно широко наряду с конструкциями с глаголом *быть*. Однако постепенно круг употребления *иметь-конструкций* сужался. В истории немецкого языка наблюдается устойчивое употребление глагола *haben*, начиная с древних времен, причем этимологически данный глагол восходит к – «захватить»: готское *hafjan* – «завладеть, схватить» и его латинское соответствие (родственное слово) *capio* – «завладеть, схватить» (DHW), то есть понятие владения в немецком языке изначально связано с захватыванием чего-либо в свою собственность. В русском языке данные понятия – захватывания и обладания – разошлись. Так, анализ предикативных конструкций в диахронии позволил выявить ряд родственных глаголов – *яти*, *имати*, *имети*, первые два из которых включали в себя момент захватывания объекта в свою собственность, а глагол *имети* указывал уже на обладание, нахождение объекта в сфере субъекта: субъект «ял», или «имал» и теперь он «имеет». Таким образом, можно говорить об особом восприятии идеи посессии для носителей немецкого языка – то, что захвачено, завоевано, то незыблемо, релевантно, с тем неохотно расстаются. В подтверждение этих мыслей хотелось бы привести пример из романа Л. Фейхтвангера, героиня которого говорит о том, что в Германии невозможно отменить частную собственность, это священо: *Innerlich war sie voll Panik. Das Enteignungsgesetz... Durfte das sein? Das Eigentum ernstlich umstürzen wollen, die Heiligkeit des Besitzes. In Deutschland. In Bayern!* (Feuchtwanger) – *Внутри нее царил паника. Закон об экспроприации... Разве такое может быть? Всерьез хотеть свергнуть святость владения. В Германии. В Баварии!*

Интересным является также факт постановки отрицания при глаголе *haben*, носитель немецкого языка не может сказать «Я не имею» (то есть собственно отрицать факт обладания), как, например, закрепилось в других Набео-языках: *I don't have* (английский), *netám* (чешский), в немецком языке – *Ich habe kein(e)*, букв.: «я имею “никакого”, “никаких”, то есть отрицается сам объект, но не факт имения этого объекта.

Подводя итоги вышесказанному, следует заметить, что интерес исследователей к выражению в языках категории посессивности, в силу ее универсальности и всеобщности, вполне закономерен, однако до сих пор полностью не охарактеризована национально-культурная специфика восприятия и отражения в языке различных посессивных отношений. На наш взгляд, сопоставительный лингвокультурологический подход к описанию и характеристике категории посессивности позволит выявить сходства и различия в структурировании посессивных отношений как в близкородственных, так и неблизкородственных языках.

ЛИТЕРАТУРА

- А р у т ю н о в а, Н. Д., *Предложение и его смысл*, М.: Наука, 1976, 382 с.
- Б е р н ш т е й н, С. Б., *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*, М.: Изд-во АН СССР, 1961, 350 с.
- И в а н о в, Вяч. Вс., *Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки*, М.: Наука, 1981, 271 с.
- К и б р и к, А. Е., Б р ы к и н а, М. М., Л е о н т ь е в, А. П., Х и т р о в, А. Н., “Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования”, *Вопросы языкознания*, 2006, № 1, С. 16-45.
- М а р о ј е в и ћ, Р. “Посесивне изведенице у старорусском језику”, *Антропонимски систем. Топонимија. «Слово о полку Игореве»*, Београд, (Филолошки факултет Београдског универзитета, монографије), Кн. LIX, 1985, С. 267-279.
- М е й е, А., *Общеславянский язык*, М.: Изд-во иностр. лит., 1951, 491 с.
- М о л о ш н а я, Т. Н., “План выражения категории посессивности”, *Категория посессивности в славянских и балканских языках*, М., 1989, С. 112-115.
- П р е о б р а ж е н с к и й, А., *Этимологический словарь русского языка*, М., 1910-1914, 534 с.
- С е л и в е р с т о в а, О. Н., “Контрастивная синтаксическая семантика. Опыт описания”, *Труды по семантике*, М., 2004, С. 557-718.
- Я н к о, Т. Е., “Бытование и обладание: конструкции с глаголом *быть*”, *Логический анализ языка: языки пространств*, отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина, М., 2000, С. 198-211.
- В а b b y, L. H., *Existential sentences and negation in Russian*, with a foreword by Bernard Comrie, Ann Arbor: Karoma Publishers, 1980, 180 p.
- В е n v e n i s t e, E., “‘Etre’ et ‘avoir’ dans leurs fonctions linguistiques”, *Problèmes de linguistique générale*, 1, Paris, 1966, P. 187-207.
- D i n g l e y, J., “Iměti in the Laurention Redaction of the Primary Chronicle”, *The Language and Verse of Russia. In Honor of Dean S. Worth. On his sixty-fifth birthday*, М., 1995, P. 80-87.
- D u š k o v á, L. a kol., *Mluvnice současné angličtiny na pozadí češtiny*, Praha: Academia, 1994, 673 s.
- G r e i m a s, A. J., *Sémantique structurale*, Paris: Larousse, 1966, 235 p.
- H a g e g e, C., *La structure des langues*, Paris: Presses universitaires, 1982, 127 p.
- H e r s l u n d, M., B a r o n, I., S ø r e n s e n, F., “Introduction: Dimensions of possession”, *Dimensions of possession. Typological Studies in Language 47*, Copenhagen, 2001, P. 1-26.
- I s a č e n k o, A. V., F l i e r, M. S., “On ‘HAVE’ and ‘BE’ Languages”, *Slavic Forum. Essays in Linguistics and Literature*, Paris, 1974, P. 43-77.
- K i p a r s k y, V., *Russische historische Grammatik*, Heidelberg: C. Winter, 1963-67, 2 v.

Mathesius, V., *A Functional Analysis of Present Day English on a General Linguistic Basis*, Praha: Academia, 1975, 283 s.

Pailard, D., *Enonciation et determination en russe contemporain*, Paris: Institut d'études slaves, 1984, 460 p.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Апракос Мстислава Великого, отв. ред. Л. П. Жуковская, М., 1983 (= AM).

Успенский сборник XII-XIII вв., под ред. С. И. Коткова, М., 1971 (= Усп. сб.).

Срезневский, И.И., *Словарь древнерусского языка*, Репринт. изд., Т. I – III. – М., 1989 (= СС).

Фасмер, М., *Этимологический словарь русского языка: В 4 т.*, Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, М.: ООО «Изд-во Астрель», 2004.

Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд, под ред. О. Н. Трубачева, Вып. 8, М., 1974 (= ЭССЯ).

Duden Herkunftswörterbuch = Duden Etymologie Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache, Bearb. von G. Drosdowski, P. Grebe u. weiteren Mitgl. der Dudenred, Duden Band 7, Bibliographisches Institut Mannheim etc.: Dudenverlag, 1963 (DHW).

Josef Holub, František Kopečný, *Etimologický slovník jazyka českého*, Praha, 1952 (= ES).

Průruční slovník jazyka českého, Díl 1, Praha, 1935-1937 (= PS).

Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost, Praha: Academia, 2003 (= SS).

Jan Gebauer, *Slovník staročeský*, Díl první, Praha, 1903 (= SSG).

VERBALISIERUNG DER KATEGORIE DER POSSESSIVITÄT UND DIE SEMANTIK DER SPRACHLICHEN EINHEITEN: PROTOTYPISCHE KONSTRUKTIONEN MIT DEM VERB „IMET“

ZUSAMMENFASSUNG

In diesem Artikel wird die universale Kategorie der Possessivität dargestellt. Am Beispiel des Verbs „imet“ werden die prototypischen Situationen des Besitzens im Russischen, Deutschen und Tschechischen untersucht. Von einem diachronisch-synchronischen Ausgangspunkt aus werden einige Besonderheiten der Repräsentation verschiedener Situationen des Besitzens in nahverwandten und nicht nahverwandten Sprachen analysiert.

SCHLÜSSELWÖRTER: *Kategorie der Possessivität, Possessivitätsbeziehungen, prädikative und attributive Possessivität, Situation des Besitzens*